

ОТ АВТОРА

Автор горячо благодарит своих детей Льва и Анну за предоставленную возможность работать в тихие ночные часы без крика, шума и пороссячьего визга.

Пусть дети спят! Литература от этого выигрывает.

Что там поэты! Судьи и суды
Уже и те с поэзией знакомы.
В их протоколах скроются следы
Лиризма. И ораторские громы.

Новелла МАТВЕЕВА

ПОЭЗИЯ, ВЕК ДВАДЦАТЫЙ...

В двадцатом веке судьи и суды
Имели случай со стихом сразиться.
В какой стране еще могло случиться,
Чтоб рифма доводила до беды?

В каком краю, в какой стране другой
Судили ямбы, стансы и сонеты,
И в протокол безграмотной рукой
Записывали таинства поэта?

Судили так, чтоб наши сыновья
Навеки Мандельштама позабыли.
Судили Бродского, его стихи травя,
Мысль Пастернака клеветой облили...

Поэзия мертва под каблуком,
И конвоиры знают дело четко,
Заталкивая боевым штыком
Стихи под трибунал и за решетку.

Их протоколам ясность не нужна.
Лишь прокуроры задают вопросы.
А если не доказана вина, —
В петле Цветаева, и Кедрин под откосом...

Кому — лиризм. Кому дубовый стол.
Но выстоит поэзия порода...
...Когда-нибудь откроем протокол
И все стихи отпустим на свободу!

Из смирения не пишутся стихотворения.
И нельзя их писать ни на чье усмотрение.
Говорят, что их можно писать из презрения.
Нет! Диктует их только прозрение.

Леонид МАРТЫНОВ.

ПРОЗРЕНИЕ — ОПАСНОСТЬ НОМЕР ОДИН

Это верно — насчет смирения.
В общем, правда — насчет презрения.
Что касается музыки прозрения,
Так уж это на чье усмотрение.

Озарило поэта, допустим, ПРОЗРЕНИЕ.
Написал он, допустим, СТИХОТВОРЕНИЕ.
И поставлен вопрос о его поведении
На писательском главном правлении.

Дескать, — воду на чью он мельницу льет?
Из какой заграницы идеи берет?
И соткут паутину презрения
Добровольно. Без принуждения.

Заглушив червячка сомнения,
Голосуют за осуждение.
Не судебное! Нет! Моральное...
Расправляются — фигурально.

Но за первым этапом давления
Часто следуют постановления...
Нет, — опасная штука — прозрение!
Доведет до тюремного заключения!

Восемь тысяч поэтов рифмуют творения.
Служат вроде бы стихосложению.
И живут в тишине, не мучаются.
Что напишется, то и получится.

Восемь тысяч поэтов не ищут прозрения.
И печатаются, —
За хорошее поведение.

СТАРАЯ СКАЗКА ПРО КРАСНУЮ ШАПОЧКУ

для подрастающих взрослых

Было это давно, в те сказочные времена, когда звери — говорили. Именно тогда Бабушка заведовала молочной столовой на опушке леса. А главным поваром работала несколько подросшая внучка, разумеется, ее имя вы с детства знаете, — Красная Шапочка. Наша история начинается в тот день, когда на двери столовой появилось объявление

«ТРЕБУЕТСЯ НОЧНОЙ СТОРОЖ».

Первым, высунув длинный язык, примчался Серый Волк. Раскидав претендентов — сонного Тетерева и полуглухого Глухаря, — он ворвался в Бабушкин кабинет. Волк был из той вдумчивой породы, которая никогда не торопится проглотить собеседника, а поначалу взвешивает будущие возможности. Поэтому, приняв максимально скромный вид, он заполнил анкету, где самыми важными считались ответы «нет», «никогда», «не служил», «не участвовал» и «заграницей не был». А затем вложил внутрь анкеты некую купюру, которая еще в те сказочные времена решала вопрос весьма быстро и к обоюдному удовольствию. Так Серый Волк стал сторожем в столовой «Птичье молоко».

Это было славненькое заведение. Мясом там и не пахло. Всякие молочные продукты — творожок, сметана, кефирчик, взбитые сливки, а также ягоды и орехи, — сколько хотите. Вегетарианцы — белки, зайцы, барсуки и птицы всех мастей — столовую обожали. Ах, какое это было удовольствие, — забежать на часок, выпить козьего молочка, заесть манной кашкой или капустным салатом и поболтать о лесных новостях, которые ежедневно приносила на хвосте Сорока.

От нового сторожа поначалу все кинулись врассыпную. Но Бабушка вывесила на доске объявлений справку, которой Серый предусмотрительно запасся в канцелярии самого

Льва, царя тамошних зверей. Там было черным по белому написано, что Волк

а) давно изжил нехорошие хватательные рефлексy, что он

б) пользуется полным доверием львиного секретариата, и

в) никогда не испытывал дурного влияния заморских лесов.

Правда, справку написал старый Осел, но подпись Льва была самая настоящая: мало кто знал, что Лев подслеповат и малограмотен. Правда, печать несколько походила на Ослиное копыто, так ведь это еще доказать надо.

Словом, все успокоились. А Волк, который исключительно тихо вел себя во время испытательного срока, через недельку попросился в снабженцы. Бабушка подумала и — согласилась. Конечно, образования у него — никакого, всего и умеет что быстро бегать, но ведь снабженца, как и Волка, ноги кормят. К тому же за две недели Волк не то что бочку сметаны не украл, но даже дефицитную землянику не тронул. Ну как тут было не облечь его полным Бабулиным доверием?

Словом, пошел Волк вверх по служебной лестнице. Сначала добился, что его в заместители перевели, а потом не успела Красная Шапочка оглянуться, как ее съели. Нет, нет, Волк был выше этих глупостей, — зубами рвать и на куски разносить. Сам он ее и когтем не тронул, но когда ревизия накатила, все по секрету узнали, что Красная Шапочка пьет казенное птичье молоко ящичками. Да еще бутылок сдает ежемесячно на сто монет. Бросилась бедная девушка к главному ревизору Козлу, но тот только бородой трясет: «Раз был сигнал, надо реагировать. Ну и что, если анонимка?» Подумал, подумал: «К тому же семейственность развели, понимаешь...» Сами знаете, какая польза от Козла. Так и съели бедолагу. А ведь ей еще Мама говорила: «Не ходи с Волком по одной дорожке...» Не слушалась маму...

А когда Бабушка укатила в заграникомандировку в соседний лес, — это называлось обмениваться опытом с зарубежными коллегами, — Серый Волк, ее заместитель, окончательно показал свое, извините, лицо.

Сначала изменился персонал. Лиса — главный повар.

Рысь — официантка. Куница — швейцар. Дикого Кота оформили руководителем ансамбля певчих птиц, хотя всем в лесу было известно, что ему еще в нежном периоде Медведь на ухо наступил. Потом изменилось меню. Уже и шашлычок появился, и цыплят стали жарить, и кроличьи отбивные завелись. А когда темной ночью бесследно исчез старина Тетерев, всеобщий любимец и говорун, лес затрепетал от ужаса. Зайцы и Олени, Рябчики и Утки, — все бросились наутек. Да как убежишь, если вдруг, в одну ночь вокруг нашего леса стену из колючего кустарника высадили. Кто мог — перелетел за границу, кто не мог — попрятался. Да что ни утро, а на заднем дворе косточки, головки, ножки обглоданные.

Когда тяжело нагруженная зарубежным опытом (одних чемоданов было штук двенадцать) прибыла Бабушка, она не узнала тихой лесной обители. Все живое повымерло, птичий щебет замолк, игравшие на опушке леса Зайчата исчезли, на дверях красовалась вывеска «Шашлычная № 1», а на заднем дворе, в загоне, дремали Бараны, ожидая своей очереди на кухню. В аквариуме вместо золотых рыбок тяжело хватал воздух гигантский Осетр, — вечером Серый ждал очередную ревизию во главе со Львом. Сам Волк сидел в кабинете на овечьих шкурах. Рядышком возлегала кума Лиса, поза которой так и подмигивала вспомнить статью из Уголовного Кодекса под рубрикой «моральное разложение».

— Что же это такое происхо..., начала Бабушка осипшим от возмущения голосом. Но Волк протянул ей Приказ самого Льва. Ошеломленная Бабушка успела только прочесть слова «враг народа» и увидеть то ли гербовую печать, то ли Ослиное копыто. Тут вошли два здоровенных Медведя и взяли нашу Бабушку под белые руки. Больше о ней никогда не слышали и даже спрашивать не решались.

Откуда было знать старой, что за время ее отсутствия Волк через двоюродного братца Шакала подружился со Львом, построил финскую баню, куда Лиса лично носила пиво и расчесывала разомлевшую Львиную гриву, что Медведи Львьятам медок поставляли, а Львица появлялась в свете в шубке из Беличьих шкурок. Маленький, но скромный подарок Куницы пришелся ей как раз. Ну, а что в бывшем «Птичьем молочке», простите, теперь

в «Шашлычной № 1» подавали, могли бы рассказать Олень, Лось да Куропатки, если бы еще живы были, покойнички...

Скоро только сказка сказывается. Для дела в нашем лесу нужны были годы и годы. Худо-бедно, но и на Льва наконец-то нашлась управа, — когда он одряхлел и тихо скончался на своей загородной вилле. Тут-то и взялись за его соратников. Оsla во время следствия нечаянно прибили, — он слишком много знал. Лиса в суде как начала рассказывать да свидетелей называть, так уж лучше бы рта не раскрывала. Ей посоветовали рот закрыть в обмен на свободу. Оно и правильно, ведь не только Льву она верна была, недаром судьи ей в глаза смотреть побаивались. Простили Лисаньку. Эта всюду выкрутится. Кто там следующий? Медведь? А что с него спрашивать? Он же глуп как трухлявый Пень, слова не выбьешь. Так и не выбили. Отправили подальше, на лесозаготовки, в глушь.

Адвокатом к Серому Волку назначили матерого защитника Попугая. Этот начал с самокритики — «Попка дурак, попка дурак»... Его и посадили. Ибо уже в те времена существовал принцип: «Было бы признание, а статья — найдется».

А Волка послали в провинцию с понижением в должности. Дескать, не совсем виноват, Львиные приказы исполнял! А хорошие исполнители — они всякой власти нужны. Дескать, пусть покажет себя на низовой работе, а там видно будет.

Вам, конечно, интересно узнать, кто в том лесу власть захватил, кто суровый суд вершил? Только никому не говорите. Тигр, Шакал и Кобра. Вот такая тройца. Особая! Тигр приговаривал, Шакал голосовал «за», а Кобра приговоры в исполнение приводила. Ну, конечно, Бараны и Зайцы навсегда исчезли из того леса. Кобра, она знает, как глянет, так и Бабушку и Красную Шапочку забудете. Одни очки страх наводят, вылитое пенсне...

Конечно, насчет новой власти были кое-какие сомнения, судьи-то прежде со Львом в одном президиуме сидели, но со временем и это как-то позабылось. Да и вообще, был Львиный культ или не был?

Да, кстати, недавно слух прошел, будто где-то на периферии строевой сосновый лес на дрова пустили.

А, подумаешь, корабельную рощу — на поленья! В другом краю озеро осушили, вся рыба сдохла — и ничего! Зато земля теперь есть, можно кукурузу сажать. И уж совсем смешно: фруктовый сад под топор пустили, зато в следующей пятилетке на этом месте завод сухофруктов построят. На зарубежном сырье, конечно.

Вам это ничего не напоминает ? Нет? Счастливы вы человек!

А все-таки интересно было бы узнать, на какой ниве трудится Серый Волк... Вы его не встречали? Или вы из другого леса? Тогда рассказывайте вашим детям старые сказки. Со счастливым концом...

Моя любимая стирала,
Ходили плечи у нее.
Худые руки простирала,
Сырое вешая белье...

Е. ВИНОКУРОВ.

ТВОЯ ЛЮБИМАЯ СТИРАЛА?

Твоя любимая — стирала.
Моя — варила свежий суп.
Его — окошки протирала,
А ночью сторожила клуб.

В Союзе много дел любимым:
Пахать, паять, возить, грузить...
Рубить дрова, рожать, вестимо,
Ломать асфальт, канавы рыть...

Сгибают спины над полами,
Из кирпича кладут дома,
Таскают слабыми руками
В архивах толстые тома.

Поутру раньше всех вставая,
Необходимо дом прибрать,
И после душного трамвая
В очередях еще стоять...

Чем любоваться завитками
На потной шее у нее,
Ты б лучше сильными руками
Помог развешивать белье!

Поэт обязан быть мужчиной!
Не помню, кто это сказал...
Но у тебя была причина —
Ты в этот день стихи писал...

КСТАТИ О ПОЭЗИИ...

Совершенно случайно, давным давно, в туманной Британии жил и трудился на ниве литературы некто Вильям Шекспир. Так же случайно один из его сонетов попал впоследствии в руки Самуила Маршака, который не долго думая, перевел его (сонет № 66) на русский язык. Произведение это, если подумать, некоторым образом объясняет истоки сегодняшней эмиграции из Советского Союза. Вот эти строки:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеяньи,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывает.
И глупость в маске мудреца-пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока,
Все мерзостно, что вижу я вокруг,
Но жаль тебя покинуть, милый друг!

Вот этот сонет попал на рецензию в наши дни в советское издательство. И вот что написал маститый рецензент....

«Я ознакомился с произведением некоего В. Шекспира в переводе С. Маршака. Оба имени мне ни о чем не говорят (кроме того, что звучат как-то не по-русски), и это настораживает. О чем хотели они сказать простому советскому читателю? Начнем с первой строки этого с позволения сказать сонета.

«Зову я смерть...» Не мне доказывать, что еще классики марксизма отрицали смерть как нечто одушевленное.

на ведь не может услышать, как же в таком случае ее можно звать? Явным пессимизмом веет от этих строк, эссимизмом, совершенно несвойственным нашей эпохе достойного строительства коммунизма. «Достоинство, го просит подаянья...» Где это авторы видели в нашем замечательном обществе просящих подаяния? Ведь если человек просит 3 рубля до получки, это совершенно естественно. И достоинство от этого не упадет. Иначе миллионы советских людей можно было бы обвинить в попрошайничестве! Ну а если какой-то безногий или безрукий калека просит вас на улице одолжить ему пару гривенников а пиво, так надо сурово спросить, на что он тратит свою пенсию в размере 26 рублей 49 копеек в месяц!

Ничтожество в роскошном одеянии...» Даже подумать грашно, на кого намекают авторы. Весь наш народ грезится одеваться все лучше и лучше. Естественно, то и руководство должно выглядеть нарядным. Ведь к нам з-за границы приезжают хорошо одетые миллионеры-ефтяники, миллионеры-боксеры и пенсионеры-американцы! Так не может же наш дорогой, простите за выражение, Л. И. Брежнев одеваться хуже, чем какие-то сенаторы! Далее непонятно, на кого намекают поэт примкнувший к нему переводчик в строке «...совершенству ложный приговор». Уж не на известных ли всему миру литераторов Солженицына, Бродского и многих других? А может быть на диссидентов Гинзбурга и Царанского? Приговор советского суда справедлив, потому что это приговор советского суда.

Строка «неуместной почести позор» вызывает у меня также чувство протеста. Совершенно несовместимое противопоставление двух крайне полярных понятий. Какой позор, когда тебе от всей души, а также по указанию выше, оказывают почести?

Что имеют в виду оба эти поэта, когда видят «мощь в плену у немощи беззубой?» Уж не великий ли советский народ в плену у немощных старцев из родного правительства и дорогой коммунистической партии? Кое-кто из наших недругов подсмеивается над лексикой советских руководителей, над их невнятной временами речью. Попробовали бы они железной рукой править, да не четыре президентских года, а десятилетия! Неужели непонятно, что даже наши железные лидеры могут

устать от непрерывной работы! На пенсию уйти — и то нет времени! Документы оформить, я имею в виду.

«Глупость в маске мудреца-пророка...» тут уж прямой намек на нашего дорогого и любимого (язык не поворачивается назвать это имя, которое нам так дорого стоит), (слово «стоит» вычеркнуто цензором).

С гневом идем дальше. «Вдохновения зажатый рот». Надо бы разобраться, какое вдохновение руководило людьми, написавшими такое! Мне кажется, что сотрудники КГБ могли бы найти неплохой материал в этом клеветническом произведении. «Праведность на службе у порока»... На кого намек? Опять на наше искусство, которое праведно служит нашей народной власти под руководством КПСС? Ведь в конце концов художники и поэты, композиторы и кинорежиссеры получают деньги за то, чтобы звать вперед, призывать к победам, преодолевать постоянные временные трудности! Им дают новые квартиры, автомашины, дачи и даже прикрепляют к районным спецраспределителям, поэтому и требуют от них все, что нужно. А разным отщепенцам от искусства можно напомнить, что найдется еще у нашей партии сила, чтобы отправить самостоятельно думающих и в тюрьму, и в ссылку, а то и за границу выбросить. Слава богу (слово «богу» вычеркнуто цензором, сверху вписано — «КПСС»), классики уже все умерли и мы в этом деле не ошибаемся. Надо — посадим, не надо — забудем. В конце концов, Достоевского не знали пятьдесят лет и ничего, не умерли.

Авторам «мерзостно видеть все вокруг»! И это в наше светлое время построения будущего, которое уже на горизонте! В дни, когда весь наш народ тратит все больше и больше средств на самое необходимое, находятся личности вроде Шекспира и Маршака, которым все плохо! Жаль вам покинуть Родину? Настанет день, — покинете! В крайнем случае, в наручниках, продажные буржуазные прихвостни!

Автор данной рецензии написал все это с запалом сердца, бескорыстно и от души. В заключение прошу причитающийся мне гонорар перевести на сберкнижку №... в районную сберкассу. Одновременно прошу указания на получение кирпича и листового железа для ремонта дачи в подмосковной деревне Малаховка».

СТИХИ О СОВЕТСКОЙ ВИЗЕ

(почти по В. Маяковскому)

Я волком бы выгрыз бюрократизм.

К мандатам почтения

нету.

К любым чертям с матерями катись.

Любая бумажка.

И ЭТА!

Во всех государствах дают

паспорта.

И только в Союзе —

визу.

Истлеет, порвется

бумажка та.

Клееная сверху и снизу.

Виза — не паспорт. Сортирный лоскут!

Поди — покажи за границей.

И это ваш паспорт?

Ведь засмеют,

Как будто ты нищий в Ницце.

Виза — как виза.

Печать — как печать.

Правда, бумага —

дерьмовая.

Торгует гражданством

Родина-мать,

За деньги на все готовая.

Ну что же, в Союзе —

все дефицит.

Бумага — не исключение.

И если сомнение в сердце свербит,

Давай, —

подавай заявление.

Но если захочешь

увидеть Париж,

На Бруклинский мост
забраться.
Они тебе мигом покажут
шиш
ОВИРовский кон-фигу-рации.
Что делать поэту?
Достать из штанин
Похабный клочок
из ОВИРа...
Кто ты теперь?
ССР гражданин?
Или скиталец по миру?
Крыл ты Шаляпина. Ленина —
чтил.
Сталину слал комплименты.
Что кроме паспорта
получил?
Какие снял дивиденды?
Паспорт — в штанах, а стрелял в висок.
Наверно, подпил
в прострации.
А может, пулею пересек
Первый рубеж
эмиграции?
Славят поэтов.
Читают. Чтут.
Памятники даже ставят.
В России всегда пьедесталы
куют,
Когда до конца затравят.
Я достаю в лохмотьях листок.
Читайте, завидуйте, люди.
Вот эта бумажка —
свободы глоток!
А паспорт —
когда-нибудь
будет!

ТЕРКИН В НОВОМ СВЕТЕ
КАК БЫ ИЗ А. ТВАРДОВСКОГО

Что за чудо из чудес!
Воздух задымился, —
Будто прыгнув из небес,
«БОИНГ» приземлился.

Трап к нему везут быстреей.
Публику выводят.
И среди бывших совлюдей
Вася Теркин сходит.

Гимнастерку подтянул,
Пыль с сапог стирает,
На английском языке
Прессе отвечает.

Вася — парень с языком,
Хоть усох — не сдался.
«Я с серпом и молотком
Нынче распрощался.

Кинул в речку автомат
В старшину — лопату.
Выдал весь солдатский мат,
Подался на Запад.

Ну, а то, что не еврей,
Так и мы созрели.
Ты попробуй попотеи
В Васиной шинели.

Ты бы мог, браток, не спать
На политзанятиях?
Ты не пробовал стрелять
В народных демократиях?

Про живот не говорю, —
Каждый носит шило,
Чтобы брюхо затянуть
Если затужило.

Эти вечные «Отбой!»
«Взвод! В ружье!» «Тревога!»
Словно к третьей мировой
Нам одна дорога.

В общем, хватит речь держать.
Мне бы с перелета
Эдак сто минут поспать
И можно за работу.

А назад я не вернусь,
 Попрошусь в НАЯНУ.
 Может, я и пригожусь
 Поздно или рано.

Может, хуже во сто крат.
 Мы на все готовы.
 Лишь бы дети, говорят,
 Были бы здоровы!»

БАСНЯ ПРО ЭМИГРАЦИЮ

ПОЧТИ ИЗ С. МИХАЛКОВА

Однажды как-то раз поутру Марь Иванна
Зашла на улицу Желябова в ОВИР.
Ей захотелось вдруг увидеть мир,
Что с нашей точки зренья странно.
Ну, хочешь мир, так посети Байкал,
Или Ульяновск — град мемориальный.
Или шалаш, где Ленин крепко спал.
А на худой конец — хоть Гусь-Хрустальный.
Так нет! Ей, видишь, подавай Париж!
Нью-Йорк и Лондон! Всякие Афины!
Да я таким надрал бы крепко спину,
Чтоб думала, чего смотреть хотяшь.
Я был на западе и кое-что видал.
Туда проверенных-то лиц пускать опасно!
Вдруг станет белым то, что было красным?
Нет! Никаких для Марь Ивановны заграниц!
Я б обязал рабов социализма
Читать побасенки про зайцев и лисиц
И про интриги мирового сионизма.
Мораль ясна: раз ты советский человек, —
В берлоге скоротаешь век.

Что-то дождичек удач падает нечасто.
Только жизнью и такой стоит дорожить.
Скоро все мои друзья выбьются в начальство
И, наверно, мне тогда станет легче жить...

Б. ОКУДЖАВА. Шуточная песенка.

ПРАВДА В КАЖДОЙ ШУТКЕ

В каждой шутке правда есть. Уж не обессудьте.
Вдруг действительно придет этот славный час:
Выйдут в самые верхи порядочные люди,
И в один прекрасный день вдруг оценят нас.

Только час их не приспел, не собралась буря.
Кабинетов не дают для творческих идей.
Ты припомни, друг — Булат, кто в номенклатуре,
Кто поставлен во главе пишущих людей.

Чтобы душу изливать другу в кабинете,
Надо прежде микрофон найти и заглушить.
Отключить магнитофон, спрятанный в портрете,
Ну, и может быть тогда станет легче жить.

Не стучались в кабинет Беранже и Гейне,
Не искали протече Бунин и Гюго.
Интересно, что б сказал про цензуру Стейнбек...
А писали — дай нам Бог капельку того!

Что до дождичка удач, — неудачно это.
Вот в Америку слетал, под гитару спел.
Там ведь тоже не дубы в ихних кабинетах,
Выпускают только тех, кто вполне созрел.

Часто снятся по ночам кабинеты эти?
Но начальство и талант трудно совместить.
И когда твоих друзей двинут в кабинеты, —
Сомневаюсь, что тебе станет легче жить.

Смотри: на карте мира муха
Ползет из Швеции в Рабат,
Как моложавая старуха
Из Штатов лет под шестьдесят...
...Потом в Италию свернула,
Но ей Венеция скушна...
...И понял я, что мне в туризме
Претит при взгляде на нее.

Александр КУШНЕР.

АЙ ДА КУШНЕР, АЙ ДА МОЛОДЕЦ!

Как хорошо беспечным мухам!
Без визы, денег и анкет,
Не по путевке, не по слухам
Хотя бы так увидеть свет!

А ты б хотел пройтись по миру
И задирать глаза до крыш?
А то сидишь в своей квартире,
Листая книжки про Париж.

Меня одна мыслишка точит,
Я думаю, она верна:
Когда раздумьям нету почвы, —
Из мухи делают слона!

За год побольше миллиона
Американцев принял Рим.
Доступен остров Альбиона.
В Москву за водкой едет финн.

Летят в Израиль боливийцы,
А шведы — на Мадагаскар.
«А нам плевать на заграницы!
У нас по Родине тоска!»

А как сказать, что не пускают?
Народ недаром говорит:
Самим себе не доверяют!
Кто меньше знает, лучше спит!»

Вот если острым словом можешь
Прогнивший запад обличать,
На первый раз местком поможет
Путевку... в Венгрию достать.

И вот как муха на булавке
Попал в тенета мелочей.
Характеристики и справки,
Анкеты, выводы врачей.

Валюту поменяют скупю,
Зато представят молодца:
«На шаг не отходи от группы,
Не брякни лишнего словца,

Они там хоть и демократы,
Да и за вами нужен глаз.
Сказать по правде, те ребята
Не очень сильно любят нас.

Мы группу водкой обеспечим,
Но не роняй престиж страны.
Не рвись хватать ботинки детям
Или колготки для жены.

Турист советский без сомнений.
Он из проверенных людей.
Туризм — не знаний накопленье,
А пропагандный марш идей!»

Вот так! А ты увидел муху,
И сразу приговор готов.
Как хорошо, что та старуха
Продукт совсем других миров.

Греха не чуя, смотрит Вену,
Пьет Кока-колу в римский зной,
Снимает Эльсинора стены...
А Кушнер — он невыездной!

Время мчится незримо...
Все домой не попасть.
Все он бьется, родимый,
За советскую власть.

Лев ОШАНИН. Песня.

НАМ ПЕСНЯ СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ?

Время льется неспешно,
Как вода в решето.
Все он, бьется, сердешный,
Сам не знает за что.

То стреляет в Кабуле,
То на чешской земле.
То стоит в карауле,
То лежит в ковыле.

Бьет «Калашников» звонко,
МИГи рвут высоту.
Но придет «похоронка», —
Дескать, пал на посту...

Власть! Кому ты досталась?
За кого пал, родной?
...Воронье разлеталось
Над кремлевской стеной...

Мне птичий щебет дарят ветви
И славят звоном комары...

Блуждаю по лосиной стежке,
С тремя собаками дружу...
Садится на бумагу жук...

Здесь в прирученной этой пуше
Я не идиллию ищу.
Живу с народом в самой гуще,
С ним радуюсь я и грущу.

Пимен ПАНЧЕНКО. Полет на Полесье.

Я ИЗ ЛЕСУ ВЫШЕЛ...

Ну, кто бы думал, что природа,
Собачки, жук, лосиный след
Есть образ нашего народа?
Какое новшество, поэт!

Полесью сразу стало легче!
В центральной прессе — сорок строк...
Ты видел, как там водку хлещут?
И как штурмуют пивларек?

Как бьются за картошкой жены?
Как в лужах вязнут сапоги?
Ну, нет! Поэтам приближенным
Об этом думать не могли!

Писать стихи об этом? Глупо!
Вот ты себе и приказал
Сквозь поэтическую лупу
Разглядывать лосиный кал.

Комар опять зудит с приветом.
Собачка служит в полный рост.
А где ж народ? Народ при этом
Как не пришей кобыле хвост!

Мне страшна автобанная даль,
И молюсь я в отчаяньи Богу,
И тебя провожаю в дорогу
На широкий и гладкий асфальт,
Где со всех незаметно сторон
Смерть настойчиво к каждому лезет.
Там удары и скрежет железа.
Провожая тебя как на фронт...
Евгеиня ДИМЕР. Провожая тебя.

АВТОСТРАСТИ-МОРДАСТИ

Страшен мне автобанный разгул,
Скрип и скрежет хайвейных экзитов.
В смертный узел движение слито,
Запах смерти на трассе задул.

В «Додже» ты словно воин в бою.
Ты глядишь сквозь стекло, как из ДЗОТа.
Из кювета стреляли в «Тойоту»,
Дезертир бросил «Хонду» свою.

Нажимай посильнее на газ.
«Форду» времени нет для атаки.
Настигают гигантские траки.
«Понтиак» метит врезаться в нас.

Это битва. Сражение. Бой.
Все что движется — может разбиться.
Никуда от хайвеев не скрыться.
Если ж стукнут — примчусь за тобой —

Стекла я перебью молотком,
Проколю шепелявые шины,
Подорву под откосом машину, —
И пойдем по хайвею пешком.

Кто лежит там на диване — Чего он желает?
Ничего он не желает а только моргает
Что моргает он что надо — Чего он желает?
Ничего он не желает — только он дремает

Э. ЛИМОНОВ. Стихи разных лет (журнал «ЭХО»)

Сломают здесь твой тоненький талант
Открой открой назад свой чемодант!
Стихи и отсутствие знаков препинания
его же — Эдички.

КОКЕТОЧКА НА ДИВАНЧИКЕ

И кто там лежит, во что он играет?
А в талант он играет, он стихи выдает.
А читатель читает, с трудом понимает,
Почему его кто-то гением звает.
Ах, как трудно прославиться этим макарон
Меж противным Нью-Йорком и милым родным
Краснодаром
Почему не шепчуют прыщеватые девочки —
«Ах, коварный поэт безразмерных поэм, этот Эдичка!»
А пока он дремает и лежит на дивантах,
Размышляя о толстых и тонких с большими задами
талантах
Он лежит, дремает, человечеству речь говорит.
Не дай Бог, что Лимонов еще напишет.
Он такое создает, что классик в гробу закрутит...
Видно, «Эхо» маразма растет и крепчает...